

Ночь первая

Не будь сегодняшнего дня, я к концу своей жизни вряд ли смог бы назвать ее полной. Хотя, конечно, неизвестно, что меня ждет дальше. Да и, не познав этого ощущения, я, скорее всего, и не знал бы, что упустил что-то, и не сожалел бы об этом. Но теперь, когда это чувство мне уже знакомо, я понимаю, как много потеряли те, кто не прожил подобных минут. Это когда ты заглядываешь в лицо собственной смерти, успеваешь понять, что она неминуема и спасти тебя может только чудо, — и это чудо происходит. Разумеется, чудо происходит не для всех, кто подвергся смертельной опасности. Это ты потом тоже понимаешь, но это делает ощущение полноты жизни лишь еще более интенсивным. Вообще, приятно чувствовать себя в числе привилегированных.

Я услышал странный, непривычный звук, и мне понадобилась пара секунд, чтобы сообразить, что это такое. Это стучали мои зубы.

Люди, которым, как мне, приходилось бывать и в Сибири, и за полярным кругом, знают, что нигде ты не мерзнешь так, как зимой в жарких странах. Здесь всё — и в архитектуре строений, и в мебелировке, и в домашней утвари, и в одежде — рассчитано на то, чтобы спастись от жары. Зимой, когда температура иногда падает ниже нуля, в жилых помещениях можно дать дуба. Что я и делал.

Жаркая страна, столь предательски не оправдывающая свою репутацию, называлась Исламская Республика Афганистан. Город Талукан, в котором я уже столько времени пытался заснуть, был центром северной провинции Тахар (местные говорят Тахор). А меня на этой операции звали Павел Сергеевич Литвинов, и я считался тележурналистом, приехавшим сюда, чтобы снять пару сюжетов и взять интервью у фактического руководителя страны Ахмад-шаха Масуда. Кстати, Талукан отдельные бойкие журналисты называли столицей Масудистана.

В Талукане нас поселили в официальном гостевом доме, в самой большой и светлой комнате, по сути, на застекленной летней террасе. Вдоль стен там стояли широкие диваны, на которых мы и намеревались спать. К счастью, мы послушали Хусаина — местного коменданта и ключника, еще не старого, но вечно мрачного, с лицом, заросшим со всех сторон черными лоснящимися волосами. Он молча принес нам три матраса и разложил их по сторонам небольшой черной печки, мы бы сказали, буржуйки. Печка была не чугунная, а из тонких металлических листов, скорее всего, из частей кузова легковых автомобилей. Натоपленная перед сном настолько, что бока ее покраснели, она через пару часов — а я все ворочался, пытаюсь заснуть, — была совершенно комнатной температуры. То есть градусов пять в лучшем случае.

Я прислушался. Справа от меня раздавался хриплый, какой-то клокочущий храп. Там спал наш оператор Илья. Ему было не больше тридцати пяти, но он был уже почти лысым и таскал на себе лишних килограммов двадцать. Мы с ним провели нос к носу почти неделю, а я все еще не понял, что это за птица. Контакт

с Ильей был односторонним: он слушал, но почти ничего не говорил. Так что в отсутствие поступков разобратся в нем пока было невозможно. На сей момент я отметил у него лишь пару хороших черт характера, в том числе: с окружающей средой у него конфликтов не было. Он заснул бы и на льдине.

Я осторожно откинул одеяло, закрывавшее меня с головой, и высунул нос наружу. В Душанбе из лени я перестал бриться, но недельная борода еще не греет. Не защищала и одежда. Я лег спать в джинсах и свитере, через час натянул поверх еще один, с воротником, облегающим шею. Однако у меня в запасе оставалась еще куртка — легкая, но гарантировавшая термоизоляцию при минус пятнадцати по Цельсию. Сейчас проверим! Я решительно откинул одеяло, вскочил рывком и в два прыжка стянул свою куртку, лежавшую на рюкзаках и сумках с аппаратурой.

Слева от меня раздался приглушенный смех. Там лежал третий член нашей группы, Дима, которого все звали Димыч. Невысокого роста, очень крепкий, уса-тый, с раскосыми глазами, этот парень неопределенной национальности был к тому же и неопределенной профессии. В нашей группе он числился ассистентом оператора, но на самом деле это была его первая съемка. Ценность Димыча в группе состояла в том, что он служил в ВДВ и два года, в 83–84-м, провоевал в Афганистане. В его активе было, соответственно, хоть какое-то знание страны и ее обычаев, а также почти спецназовская подготовка. Во всяком случае, он сразу, хотя в комнате еще было тепло, залез в постель в куртке.

— Я греюсь, представляя себя в горячей ванне, — сказал Димыч. По голосу было понятно, что он улыбается в свои усы.

— Везет тебе! — откликнулся я. — У меня воображение не настолько могучее.

— Я просто йогой немного занимался. Хочешь, куртку свою тебе дам?

Он действительно откинул одеяло.

— Да перестань! У меня фирменная, держит тепло до минус пятнадцати.

— Ну как знаешь!

Я застегнул молнию куртки до самого верха и, уже не полагаясь на авось, натянул на голову капюшон. Воздух, который втягивали мои ноздри, действовал как мятная конфета, только без вкуса мяты. Постельного белья не было, и я перед сном расстелил на подушке купленное в Душанбе полотенце. От моих бесконечных ворочаний оно давно сползло, так что капюшон был кстати и из гигиенических соображений. Я лег на подушку левой щекой, натянул на голову грубое, колючее, но зато шерстяное одеяло и старательно подоткнул его под бок с обеих сторон, чтобы не разбазаривать тепло. Заснуть, не согревшись, было невыносимо.

Однако холод был не единственной причиной того, что я никак не мог найти сна. Впервые за свою долгую карьеру нелегала я подписался на задание — в сущности, на два задания, — которые, на мой теперь протрезвевший взгляд, были практически невыполнимы. Это в кино, мы понимаем, для героя все кончится хорошо. А здесь — я ясно отдавал себе в этом отчет — чем дальше я проникну в стремлении все же выполнить эти задачи, тем меньше у меня будет шансов выбраться отсюда живым. Самое интересное, на этот раз я мог не только отказаться ехать в Афганистан, но и вообще поставить крест на своей работе на Контору. В сущности, десять дней назад в Москве я стоял перед выбором:

отправиться навсегда загорать на Багамы или перейти по канату Большой Каньон — причем ночью и так, что об этом никто никогда не узнает. Вы поняли, что я выбрал.

Но что сделано, то сделано. У меня еще оставалась одна надежда на благополучный исход: отработать по своей версии по прикрытию, то есть снять репортажи, и даже не пытаться приступить к выполнению тайных поручений. Зная себя, я сомневался, что поступлю так. Но что скажет инстинкт самосохранения? К тому же в этой поездке со мной были еще два человека, чья судьба вряд ли будет отличаться от моей.

Идея забросить меня в Афганистан под видом тележурналиста была совсем неплохой. Профессия журналиста объясняла неизбежную любознательность и стремление попасть туда, куда не следовало бы. А оба других члена группы — и Илья, и Димыч — понятия не имели, кто я такой на самом деле, и поэтому должны были вести себя как нельзя более естественно.

Что еще нужно сказать, чтобы дальше все было понятно? Это был декабрь 2000 года, или священный месяц Рамадан 1421 года, последний декабрь и последний Рамадан перед 23 днем месяца джумада аль-ахира 1422 года, который западный мир запомнит как 11 сентября. Запомнит настолько, что прибавлять год станет уже ни к чему. Так вот, некогда обширная территория, контролируемая легендарным командиром моджахедов Ахмад-шахом Масудом — для него, кстати, этот Рамадан будет последним, — стянулась к тому времени, как шагреновая кожа, к узкой полоске Панджшерского ущелья и паре северо-восточных провинций. Президент Республики Афганистан Бурхануддин Раббани уже давно удалился в свою резиденцию в неприступном

Бадахшане, и Масуд, который официально был лишь министром обороны, практически исполнял обязанности главы государства. Чтобы разрешить эту коллизию, его еще называли лидером Северного альянса — союза полевых командиров, чьи отряды состояли из таджиков, узбеков и хазарейцев. Все эти народы живут к северу от горного хребта Гиндукуш, разрезающего Афганистан пополам. А южнее Гиндукуша живут кочевники-пуштуны. В этом-то, собственно, и состоит проблема Афганистана — это две страны в одной.

Проблему эту создали два Александра — II и III, так что по большому счету справедливо, что русским никак не удастся от нее отделаться. Во второй половине XIX века, когда Россия присоединяла Среднюю Азию, ей, по идее, нужно было идти до Гиндукуша. Однако завоевания царей всполошили англичан, и Александр III решил остановиться на правом берегу реки Пяндж. Если бы он не побоялся конфликта с Великобританией, то узбеки и таджики оказались бы все в одном государстве. А пуштуны — в другом, в Пуштунистане, о котором многие из них до сих пор мечтают. И тогда не было бы в том числе и этой войны, войны талибов-пуштунов против афганских таджиков и узбеков. Талибов поддерживал Пакистан, а Северный альянс — Россия: она не хотела, чтобы фундаменталистский ислам подобрался еще ближе к ее границам. Поэтому мы и смогли договориться о съемках.

Сегодня утром пошел уже седьмой день, как мы бессмысленно кантовались в бывшей интуристовской гостинице «Таджикистан» в городе Душанбе, ожидая вертолета. Он доставил бы нас на, как говорят в Таджикистане, сопредельную территорию всего за час, только этот час никак не наступал.

У меня создалось впечатление, что весь город Душанбе был огромной перевалочной базой для поставки российского вооружения и других грузов Масуду — бывшему грозному противнику, а теперь единственному союзнику в борьбе с мусульманскими экстремистами. Во всяком случае, и все таксисты, и работники гостиницы прекрасно знали Гуляма — очень живого, уже пожилого афганского таджика с густой, круглой, аккуратно подстриженной, совершенно седой бородой. Гулям расселял людей, готовящихся к переброске в Афганистан, и нанимал иногда десятки леваков-таксистов, чтобы доставить в аэропорт прибывающие по железной дороге грузы. Это была, как все уже поняли, весьма важная персона. Что весомо подчеркивали доставаемые им из всех карманов два мобильных телефона, которые в Таджикистане воспринимались тогда как какаду на плече человека, пересекающего лондонскую Риджент-стрит. При всем при этом нравы в Таджикистане простые, и в городе большой человек Гулям был больше известен под фамильярной кличкой Дед Мороз.

Дед Мороз наверняка прокручивал и свои дела. Во всяком случае, нас он точно водил за нос. Он знал, что наша съемочная группа была приглашена самим Ахмад-шахом Масудом, и, как мне казалось, должен был иметь на наш счет соответствующие инструкции. Очень простые — отправить нас в Талукан ближайшим вертолетом. Однако это лишь в теории.

Мы прилетели в Душанбе неделю назад поздно вечером. С Дедом Морозом — мы его тогда в лицо не знали — в аэропорту разминулись, или просто он встречал кого-то более важного, прилетевшего тем же московским рейсом. Но у меня был номер его мобильного, и, разместившись в гостинице, я позвонил ему.

Мы договорились связаться на следующий день в десять утра, и я лег спать в уверенности, что уже завтра мы будем на месте.

Но наутро накрапывал дождь, и Дед Мороз бодро сообщил мне — он хорошо говорил по-русски, — что в Талукане идет снег и вылетов оттуда сегодня не будет, так что и звонить больше не стоит. Давайте завтра в то же время! Назавтра в Душанбе вовсю светило солнце, но ответ я получил тот же: в Талукане непогода, звоните завтра. На третий день я заподозрил неладное и пошел в афганское посольство.

Меня принял молодой, лет двадцати шести, парень, звали его Фарук. У него был неожиданно очень приличный английский, вряд ли выученный в Пакистане. Обилие сленга и общий раскованный стиль поведения скорее говорили о нескольких годах, проведенных в Штатах. Несмотря на восточные черты лица, Фарук и выглядел вполне западным человеком. Так что — я этого не ожидал — мы сразу стали говорить на языке, который был нам общим вдвойне. Я имею в виду как ряд западных ценностей и условностей, так и причастность к определенным службам. Хотя, надеюсь, поводов заподозрить меня в принадлежности к разведке я не дал. А вот Фарук в посольстве числился заместителем военного атташе, то есть вопрос был только в том, разведчик он или контрразведчик. Я склонялся ко второму варианту.

Фарук со смехом выслушал все мои подозрения по поводу того, что, несмотря на круглосуточный воздушный мост, налаженный между Душанбе и Талуканом, личным гостям Ахмад-шаха Масуда место на вертолете могло бы найтись только за приличный бакшиш. Нет, ничего подобного! Он, Фарук, тоже знал о нашей

группе. Более того, он сам собирался в Талукан ближайшим рейсом, но из-за непогоды прилет вертолета из Афганистана откладывался со дня на день. Мы расстались приятелями — и на том, что он без нас не улетит.

Потом наступил четвертый день, который казался нам уже сороковым, и пятый, и шестой. Каждое утро в десять мы были в полной боевой готовности: вещи сложены, заряженные аккумуляторы в сумке, оставалось только расплатиться за постой. Потом я звонил Деду Морозу, и в 10:10 мы снова расходились по своим номерам, раскладывали на полочке в ванной зубную щетку, пасту, мыло, Илья ставил на подзарядку аккумуляторы — они, оказывается, постоянно должны находиться на включенном заряднике. Потом втроем мы выходили в город.

От прежнего советского Сталинабада в нем оставались широкие, как Елисейские Поля, проспекты, псевдокоринфские колонны официальных зданий, просторные магазины, в которых можно было бы играть в теннис, тенистые, сейчас промозглые, парки с вековыми платанами и чайханами у молчащих по случаю зимы фонтанов. От вечного Востока, все больше возвращающего свои права, в Душанбе было явное преобладание мужчин: прогуливающих не спеша, с достоинством, выпятив вперед живот, или, наоборот, суетливо, с мерцающей улыбкой торгующих за бесчисленными лотками вдоль всех улиц. То и дело с размашистыми движениями щеток вам призывно кричали чистильщики обуви — а мне-то казалось, что все они исчезли вместе с Советским Союзом моего детства. Новое время заявляло о себе бородатыми 30–40-летними мужчинами в камуфляже, черных шапочках на бритой

голове и с автоматами на плече — точно такими же, с какими русские снова воевали в Чечне. В Таджикистане боевики тоже были в оппозиции правительству, но пользовались перемирием: все устали от многолетней гражданской войны. При этом бородачи чувствовали себя вполне уверенно. Однажды — на третий или четвертый вечер нашего пребывания в Душанбе — они устроили банкет в ресторане нашей гостиницы. Странное это было ощущение. Человек пятьдесят вооруженных бойцов: не военных, не милиционеров — не имеющих никакого отношения к государству! А их предводитель приехал в гостиницу на бронетранспортере с государственным номером. Не знаю, был ли он выдан официально или просто кто-то в шутку снял номер со своих или чужих «жигулей» и прикрутил его на БТР.

Русских в Душанбе оставалось все меньше, до такой степени, что прохожие с любопытством разглядывали нас. Радующие в их взгляде проскальзывало не всегда. Да и в тех местах, где, побродив по городу пару часов, мы садились перекусить, особой любезности местные жители не проявляли. Так что день на четвертый мы фактически перестали выходить из гостиницы. Мы продолжали просыпаться в 8:30, в 9:00 завтракали в ресторане гостиницы, и после стандартного ответа Деда Мороза я распускал свою команду до вечера. Ребята валялись в номере и смотрели индийский MTV. Я, пользуясь случаем официально побывать в шкуре русского, купил в букинистическом магазине Толстого и Достоевского и запоем читал, уничтожая попутно горы кураги, изюма и миндаля. В нашей нью-йоркской квартире, разумеется, была целая полка русских классиков, но на английском. Я эти книги и не раскрывал, вызывая

удивление моей жены Джессики, которая в остальном считала меня вполне образованным человеком.

Джессика! Даже из Душанбе Нью-Йорк казался другой планетой. И на той, другой, планете моя жизнь добропорядочного гражданина США, владельца солидного турагентства и респектабельного отца семейства, была наделена не большей реальностью, чем эта. Выдуманная биография, чужое имя, тайные цели, фальшивые предложения!

Для всех моих близких я пробовал новый маршрут по караванным тропам через пустыню Каракумы, предназначенный для любителей экзотики и экстрима. Это должно было объяснить невозможность связаться со мной по мобильному телефону. Последний раз я звонил Джессике вчера — только считалось, что я не в Душанбе, а в Ашхабаде. Это моя жизнь — она состоит из лжи: одной большой и целой кучи мелкого вранья.

Итак, на седьмой день нашего отупляющего пребывания в Душанбе — стоп! это было сегодня утром, хотя, кажется, прошло уже несколько дней — я не выдержал. Номер одного из двух мобильных Деда Мороза — а я знал только один — молчал, и я, взяв у выхода из отеля левака, поехал в аэропорт. Левак — хорошо говоривший по-русски пожилой таджик, служивший когда-то в ракетной части под Москвой, — не раз подряжался для перевозки грузов на сопредельную территорию и поэтому сразу подвез меня к пролomu в бетонном заборе аэропорта. Судя по множеству отпечатков подошв разнообразных рисунков, я пользовался этим входом в запретную зону далеко не первым. На мои ботинки тут же налипли комья глины, и я заковылял к взлетной полосе, как человек, впервые вставший на коньки. Несмотря на все предосторожности, чтобы удержаться на ногах, мне то и дело приходилось судорожно махать руками, будто ветряная мельница.

Я все же растянулся во весь рост, перепрыгивая через арык, так что, когда наконец я добрался до двух стоящих на бетонной площадке вертолетов, мой правый бок вполне мог служить маскировкой на местности.

Дед Мороз был там. Он наверняка увидел меня еще издали, но сейчас сделал вид, что только-только

заметил мое присутствие. Ошибиться же, чем он был занят, было невозможно: он руководил посадкой пассажиров в выдавший виды Ми-8. Еще один вертолет стоял рядом.

Я думал, что Дед Мороз смутится, увидев меня. Ничуть не бывало!

— Где вы ходите? — закричал он. Мы с ним говорили по-английски.

— Как где я хожу? — крикнул в ответ я. Нас еще разделяло метров десять. — Я звоню вам с десяти утра, но ваш мобильный молчит.

— У него сел аккумулятор, — не моргнув глазом, соврал уважаемый человек Гулям.

Он пожал мне руку и картинным жестом указал на вертолет. Казалось, он собрал все силы, чтобы законное возмущение прозвучало всего лишь как вежливый упрек.

— Прилетели вертолеты, а вас все нет!

— А как, по-вашему, я должен был об этом догадаться?

Я был так зол, что не считал нужным вступать в лицемерные восточные игры.

— Я уже часа полтора звоню вам в гостиницу, а мне говорят, что их нет ни в номерах, ни в ресторане.

Это было чистое, наивное, нелепое вранье. В первых, во всех номерах «Таджикистана» были телефоны, и Дед Мороз записал мой в первый же день. А во-вторых, двадцать минут назад я еще был у себя.

Только тут я заметил в группе стоящих поодаль людей Фарука — того контрразведчика из афганского посольства, который поклялся не улетать без нас. Он широко улыбнулся мне и подошел поздороваться.

— А где ваша группа? — спросил он.

— Сидят в гостинице и ждут от меня новостей, — без тени язвительности, так же широко улыбаясь, сказал я. Я вообще быстро учусь нравам и обычаям страны пребывания.

— Звоните им скорее!

Фарук протянул мне мобильный. Я забыл в Москве зарядник для своего телефона. В Душанбе купить новый не удалось, а просить Контору выслать мне зарядник из Москвы я не стал. Мы ведь должны были вот-вот перелететь в Афганистан, а там сотовой связи точно не было.

Пока я набирал номер Димыча, Фарук сделал знак одному из окружавших его людей.

— Я пошлю за ними своего водителя, — сказал он мне. — Так будет быстрее.

— Мой таксист тоже ждет у дырки в заборе, вон там! — показал я. — Пусть он проедет мимо, чтоб и его забрать. У нас полно аппаратуры.

Фарук что-то сказал водителю, и тот не спеша — мужчинам не пристало проявлять торопливость — направился к забрызганной грязью «Волге», стоявшей на краю вертолетной площадки. В трубке раздался голос Димыча. Я прокричал ему, чтобы они с Ильей немедленно спускали вещи в холл — свою сумку я перед уходом закинул в его номер.

Фарук внимательно слушал русскую речь — возможно, он понимал, хотя и не признавался в этом. Теперь он уже не казался мне вполне современным западным человеком.

— Я думал, мы договорились, что вы не улетите без нас, — не выдержал я.

— Конечно, мы полетим вместе на втором вертолете, — как ни в чем не бывало заявил Фарук. Но при

этом по его приказу один из провожавших афганцев вытащил из вертолета красную нейлоновую сумку. Его сумку.

Первый вертолет был загружен. Усатый пилот задраил дверь изнутри, и Дед Мороз помахал рукой кому-то, едва различимому сквозь мутный от грязи иллюминатор. Пришел в движение винт, и по мере того, как он набирал обороты, вертолет от мелкой дрожи переходил к судорогам. У меня теперь было время рассмотреть его получше. Это явно была одна из тех машин, что перевозили советских солдат еще лет пятнадцать назад. Краска цвета хаки кое-где облупилась, и эти места были подкрашены черным. Закрепленные по обоим бортам батареи, выстреливающие тепловые ловушки, были пусты. Впрочем, та, которая была по нашу сторону, и не могла бы стрелять — ее ячейки, напоминающие соты, были смяты, похоже, неудачным маневром на земле.

Я ожидал, что вертолет тут же легко оторвется от земли и, выполняя крутой вираж, возьмет курс на вожаемую сопредельную территорию. Отнюдь! Вертолет вырулил на взлетную полосу и, рыча, приступил к разгону. Проехав по земле с полкилометра, он, как беременный пеликан, тяжело оторвался от земли, завис в воздухе, как бы прикидывая, сможет ли полететь, и все же начал подъем.

Минут через сорок, когда прибыла группа и наступила наша очередь садиться во второй вертолет, я смог оценить и внутреннее убранство стальной птицы. Большую часть салона занимала большая красная цистерна с запасом топлива, закрепленная по левому борту. Вдоль кабины пилота и по правому борту шли две скамейки, на которых размещались пассажиры. Нам

досталось место в хвосте, у последнего иллюминатора, но люди все прибывали. Лицо Димыча — а ему в незапамятные боевые годы приходилось пользоваться этим видом транспорта не один десяток раз — постепенно вытягивалось.

— Что? — спросил я.

Димыч пожал плечами.

— И все же?

— По правилам, в вертолет можно загружать столько людей, сколько остается сидячих мест.

Лицо Ильи, обычно лишенное определенного выражения, оживилось.

— На скамьях пятнадцать человек, а на полу — еще семнадцать, — вскоре сообщил он.

И при каждом были какие-то вещи. Только наша аппаратура, аккуратно сложенная в самом хвосте, весила почти шестьдесят килограммов — мы платили за перевес, когда летели из Москвы в Душанбе.

Дверь кабины открылась, и в салоне появился один из двух пилотов. Он проделал ту же операцию, что и Илья, отметив кивком и пришептыванием каждую голову и прикинув количество багажа. Его более чем двукратный перевес не смутил. Дверь закрылась, и тут же вертолет охватила дрожь. Двое марокканских журналистов, летевших в Талукан по заданию бельгийского телевидения, — с ними мы успели познакомиться перед посадкой — удовлетворенно кивнули мне, мол, свершилось. Сидевший рядом с ними Фарук дружески подмигнул мне. Я подмигнул ему в ответ. На Востоке не стоит ни с кем ссориться!

Мы тоже сначала, как самолет, разогнались по полю, а затем натужно, но все же бодренько оторвались от земли. Вертолет поднялся примерно на километр

и уверенно пошел крейсерским курсом. Все заметно повеселели.

Илья, приложив голову к стенке, задремал, а я стал прислушиваться к Димычу. Он завел разговор с сидевшим напротив него на полу афганцем лет тридцати пяти в европейского покроя полупальто. Дело в том, что Димыч не переставал меня беспокоить.

Но сначала о моей легенде в съемочной группе. Звали меня, как я уже говорил, Паша. Так было проще: если бы я, забывшись, представился своим постоянным именем Пако, все можно было бы списать на оговорку. Но я вот уже как двадцать лет навсегда уехал из Союза, и в неизбежных долгих разговорах со своими помощниками я наверняка мог проколоться на незнании какой-то новой реалии. Поэтому я придумал такой вариант. Для всех остальных, особенно для афганцев, я был российским тележурналистом. А Илье и Димычу я под большим секретом сообщил, что уже давно эмигрировал в Германию и на самом деле репортажи, которые мы ехали снимать, предназначались для немецкого телеканала ЦДФ. Немцам договориться об интервью с Масудом было бы намного сложнее, чем журналисту союзной страны, поэтому я якобы и прибег к такой хитрости. В Германии я пока вроде бы обретался по виду на жительство, и паспорт у меня оставался российский — так что вряд ли афганцы что-то заподозрят. Я платил Илье с Димычем по западным расценкам, то есть раз в пять больше, чем российское телевидение, так что молчать было в их интересах. Кто платил? Я, я! В Конторе вопрос о том, как будет финансироваться эта операция, как-то и не вставал. Но, конечно, я мог себе это позволить.

Так вот, проблема с Димычем была в том, что он был натурой творческой и неутомимой. У него в связи с предстоящими съемками возникла задумка.

— Слушай, Паш! — убеждал он меня во время наших долгих посиделок в номере гостиницы «Таджикистан» среди батареи пивных бутылок. — Давай мы скажем афганцам, что я воевал против них в ту войну. Представляешь, мы тогда были врагами и, вполне возможно, даже стреляли друг в друга. А теперь у нас общая опасность и мы союзники.

Я только качал головой.

— Мы же давно признали, что зря полезли тогда в Афган! — не сдавался Димыч, и его узкие азиатские глаза становились совсем круглыми. — Меня же послали туда не спрашивая. Да, я стрелял в них, но и они стреляли в меня. На войне как на войне! Но теперь старые обиды можно забыть.

Я снова качал головой. Илья, который в наших разговорах участвовал в основном взглядами, с тревогой смотрел на меня. Ему такая задумка нравилась еще меньше, чем мне.

— Ну почему?

— Димыч, ну представь себе такую ситуацию. У кого-то в окружении Масуда наши убили всю семью, и этот человек немного тронулся в уме. Для него все русские одним миром мазаны. Он вскинет свой калашников и уложит нас всех одной очередью. Просто потому, что для него та война не закончится никогда.

— Ну ладно, ладно! Закончим сейчас этот разговор. Но вот увидишь, Паш, это хорошая мысль. Мы приедем, ты поймешь, что все нормально, и мы вернемся к этому разговору. Увидишь!

Вот почему я прислушивался к разговору Димыча с тем парнем, сидящим на полу. Похоже, зря — говорил в основном афганец, его звали Малёк. Он выучился на врача в Одессе, был женат на русской, у них было двое детей. Он только что отвез семью на Украину, к родителям жены, и теперь возвращался назад. В Талукане он был единственным хирургом.

— А что, талибы могут захватить Талукан? — присоединился к разговору я.

Малек замялся:

— Ну сейчас-то Рамадан... Ну это знаете...

Я знал:

— Пост.

— Ну да, можно и так сказать. Пока Рамадан, никто не стреляет. Так что для вас сейчас самое хорошее время. Но Рамадан заканчивается через несколько дней. И что будет дальше, никто не знает.

Малек говорил по-русски легко, хотя и с акцентом. Восточные люди, в своей массе вышедшие из торговцев, вообще очень способны к языкам. Я убеждался в этом в сотый раз.

— А почему же вы сами не остались в Одессе?

— У меня здесь, помимо работы, родители и дом. Мои оба брата погибли, так что теперь...

Он постеснялся договорить. Теперь семья была на нем.

Говорить, перекрикивая шум мотора, было трудно, и я, понимая, кивнув ему, выпрямился.

В этом вертолете уже был Афганистан. Я летел туда впервые, но это было понятно. Мужчины — кроме нашей группы, Малека, Фарука и двух марокканцев — были одеты в длинные шерстяные плащи, типа бурнусов,

здесь их называли «чапаны». На голове у большинства были шерстяные же коричневые круглые береты, заканчивавшиеся внизу круглым ободком. Как я уже выяснил, он был образован закатанной вверх тонкой шерстью. Наверное, при желании ее можно было размотать и использовать как шарф, хотя тогда и лицо оказалось бы закрытым. Я уже спрашивал у Фарука, этот головной убор назывался «пакуль». Он был как бы частью военной формы в армии Масуда, но, как я скоро смог убедиться, пакуль был так же распространен, как и чалма.

В вертолете летели и две женщины. Сказать, были ли они молодые или старые, привлекательные или уродины, было невозможно. На них были не просто паранджи, а никабы. То есть их головы закрывали глухие капюшоны, прорезанные лишь узкой полоской вуали на уровне глаз. Самих глаз видно не было. А с плеч до земли женщины были окутаны балахоном из такой же желто-зеленой плотной ткани. Разумеется, представительницы лучшей части человечества сидели на не очень чистом, дребезжащем полу. Мы пытались было, пока рассаживались, уступить свои места на скамейке, но они отказались возмущенным щебетанием. Они сидели, выпрямив спины, — наверное, молились, чтобы уставшая стальная птица доставила их домой живыми и невредимыми.

Я выглянул в иллюминатор. Мы пролетали над однообразным грязно-бежевым предгорьем без каких-либо признаков жилья. Скальные породы сменялись каменной пустыней, которую вдруг прорезал широкий поток, разбившийся на несколько переплетающихся рукавов. Я ткнул в бок Димыча.

— Пяндж, — пояснил он, едва бросив взгляд за окно.

— Вы что, бывали уже в Афганистане? — спросил Малек.

Я напрягся, но реакция у Димыча была неплохой.

— По карте посмотрел. Здесь другой реки нет. Ну заслуживающей такого названия. А что, не Пяндж?

— Пяндж.

И тут произошло следующее. Шум двигателя изменился, и вертолет начал немедленно терять высоту. Это, в сущности, нельзя было назвать откровенным падением, но и на маневр было не похоже. Земля быстро приближалась, и это было понятно даже тем, кто не сидел у иллюминатора.

Димыч выглянул в окно, и на его лице выступили скулы.

— Похоже, мы падаем, — стараясь говорить легкомысленно, произнес я.

Димыч молча посмотрел на меня. Афганцы, сидевшие на полу, теперь принялись оживленно переговариваться на дари.

Я посмотрел на цистерну с керосином. Над ней, как я заметил при посадке, болтался парашют в брезентовой сумке. Один на тридцать два человека.

— Он твой! — шутливо сказал я Димычу. Перекрикивавшийся со своими соотечественниками Малек не мог нас слышать. — Ты, наверно, один умеешь им пользоваться.

Димыч только усмехнулся:

— Его сложили лет пятнадцать назад, держу пари, наши же. Он уже никого не спасет.

Я выглянул в иллюминатор. Вертолет шел навстречу земле под острым углом. До столкновения оставалось несколько метров — уже были отчетливо видны метелки на высокой траве, покрывавшей пологий берег.

— Что, мы сейчас врежемся? — спросил Илья.

Он заметно побледнел, да и голос его звучал неуверенно.

— Похоже, — ответил ему Димыч. — Жалко, не договорим с Малекон, — интересный был разговор.

Странное дело: никому из нас не пришло в голову попрощаться — друг с другом или мысленно с близкими (мы потом обсудили это). Афганцы перекрикивались, но тоже не панически — такая перепалка вполне могла произойти и на базаре. А мы просто смотрели друг на друга и ждали смерти.

Вертолет покосился на правый бок. Пушистые белевые метелки теперь уже стелились под винтом. А сам винт должен был вот-вот чиркнуть землю.

И тут двигатель, уже и так ревавший в агонии, взял, вероятно, самую высокую ноту в своей жизни. Вертолет вздрогнул и так же бочком медленно вошел в вираж, оторвавший его от земли. Метелки выпрямились, потом стали меньше, потом превратились в кусок шелковой ткани, переливавшейся под ветром.

В меня стреляли не раз — я могу даже сказать, много раз. На моих глазах, совсем рядом со мной убивали и товарищей, и друзей, и моих самых близких. Но это все было по-другому. Человек стоял с тобой рядом, а в следующий миг он падал. Ты понимал, что на его месте мог быть ты, но ты не глядел в лицо своей смерти. Для этого нужно было бы, чтобы ты увидел пулю, которая вылетела из чьего-то ствола, чтобы ты видел, как она медленно летит в тебя, и в последний момент заметил, что она летит мимо. Все дело в скорости. А тогда рассмотреть приближение земли у меня время было.

И знаете что? Я вспомнил про молитву. Критический момент был позади, но тогда у меня не было

никаких мыслей, только тупое ожидание финального столкновения. Не было и фильма из всех важных и неважных событий жизни, который, как утверждают, проносится в сознании перед самой смертью. Но что мешало нашему вертолету в прединфарктном состоянии грохнуться через какой-нибудь десяток километров? И я стал молиться.

Разумеется, я был воспитан атеистом. Все, что я знал о христианстве, было рассказано нам с моей первой женой Ритой во время подготовки в Лесной школе КГБ под Москвой. Потом, уже на Кубе, где перед заброской в Штаты мы два года осваивали местный испанский, мы прошли практические занятия. Анхель и Белинда, наши друзья, чьей задачей было превратить нас в настоящих кубинцев, не раз ходили с нами в церковь, где мы освоили все католические обряды. Изредка, по большим праздникам, мы ходим в церковь и в Нью-Йорке: Джессика — католичка, как, соответственно, и наш сын Бобби. Так вот, из всего этого запаса знаний в нужный момент не всплыло ничего. А вспомнилась мамина молитва, которой ее научили две православные московские бабушки. Молитва такая: «Владычица моя, Пресвятая Богородица, спаси и защити мя!» Я никогда в жизни не произносил ее — ни вслух, ни мысленно. У меня свой способ встречать сложные ситуации: я смотрю на себя со стороны и свысока, будто бы с невысокого потолка. Но в тот момент и это мне не пришло в голову. Вспомнилась молитва, что я услышал когда-то очень давно и не догадывался, что она все еще хранится у меня в памяти.

Знаете, что еще? Мне было неловко молить о собственном спасении. Я всегда ненавидел просить за себя. Может быть, в этом и было некое лицемерие — даже

перед самим собой и даже перед лицом смерти, — но я представил себе мою маму (она по-прежнему живет в Москве, и с ней мы только что провели вместе целую неделю), представил себе Джессику, ее мать Пэгги, с которой мы очень дружны, моего двенадцатилетнего сына Бобби. Я представил себе их горе, когда они узнают о моей гибели, — а мы все еще были в воздухе, и двигатель вертолета с хрипами по-прежнему старался из последних сил. И я стал молиться. Слова были такие: «Владычица моя, Пресвятая Богородица, ради наших близких, спаси и защити нас всех! Если это возможно».

Глупо? Тем не менее я успел произнести эту молитву добрую сотню раз. В сущности, я не переставал повторять ее про себя до тех самых пор, пока наш вертолет не коснулся колесами пожухлой травы посреди превращенной в аэродром спортивной площадки в центре города Талукан.